

*Посвящается Б. К. и Т.,
посвящается нам*

Любой жизни, чтобы поддерживать себя,
нужно пожирать жизнь.

Лафкадио Хирн. Ночной вой

ЧАСТЬ 1

1

Парень из «Коры» стоит на солнце у входа. В Интернете я вычитала, что раньше в этом здании располагалась фабрика по производству печенья.

— Эй, привет! — парень кричит, обращаясь ко мне. Машет рукой.

И, преодолевая эти последние несколько метров, я чувствую себя неловко — под наблюдением. Когда я наконец приближаюсь, кажется, что после этого «эй!» прошла вечность.

— Привет, — говорю я.

— Лидия?

— Лид.

— Окей, привет, Лид. Ну а я Бен. Ты пришла посмотреть... — представитель «Коры» заглядывает в бумаги, — «а-четырнадцать».

— Да, — подтверждаю я.

— Ты же знаешь, там не очень с освещением, да? — Он снова смотрит на меня. — В общем, если захочешь, могу показать одну из студий со стеклянной крышей и тому подобным.

— Нет, все в порядке.

Бен приподнимает бровь:

— Фотография?

— Перформанс.

— Правда? — Он явно удивлен. (Распространенная реакция. Я кажусь застенчивой.) — Тогда понятно.

Он предлагает войти. Для этого нужно открыть большую металлическую дверь, а до того еще железную решетку перед ней, которая тоже заперта. Бену приходится использовать четыре ключа.

— Отличная защита, — говорит он в процессе. — Существенный плюс для женщин, которые тут работают. Если задержишься допоздна, думаю, все равно будешь чувствовать себя в безопасности.

Я задираю голову, осматриваю стену. Окна начинаются только с третьего этажа. Трудно забраться даже с лестницей.

— Ага, в общем, — Бен следит за моим взглядом, — на первом и втором нет окон, потому

что здесь делали печенье, которое покрывали шоколадом.

— Оу! — произношу я.

— Ага, интересно, правда? — Дверь с лязгом открывается. — По сути, фабрику выстроили именно так, потому что шоколад тает на солнце.

Издаю еще один неопределенный звук.

Здание очень высокое. Первые два этажа кажутся частью фундамента.

Когда мы заходим внутрь, возникает неловкая ситуация. Каждый из нас показывает жестом, что пропускает другого, и затем мы сталкиваемся, пытаясь одновременно перешагнуть порог.

Мы идем друг за другом по темному коридору.

— Так ты сама откуда? — спрашивает Бен.

Некоторое время не отвечаю. Этот вопрос я тоже слышу часто.

— Ну, родилась в Англии. Но мой папа был японцем, а мама наполовину малайзийка.

Он оборачивается:

— О боже... черт... нет, прости, я имел в виду, откуда ты приехала сегодня? Типа, ты в Лондоне живешь?

— А, да, — лгу я. — Тут рядом, в Кеннингтоне.

На самом деле я не живу в Кеннингтоне. Просто увидела час назад это название на карте подземки.

— Классно! — говорит Бен. — Там довольно приятно, да?

Киваю.

Бен открывает дверь с табличкой «А-14». Я первой захожу в комнату. Довольно маленькая, но пойдет. У стены раковина и столешница. На ней микроволновка, под ней небольшой холодильник.

— Арендная плата здесь меньше, чем в студиях с окнами. Двести пятьдесят пять фунтов в месяц, а «Кора» субсидирует остальное по программе для творческой молодежи. — Бен смотрит на одну из своих бумажек. — Счета оплачиваются отдельно, но тут они небольшие. Платить двадцать восьмого числа каждый месяц. Если решишь снять, могу оставить вот это. — Он показывает мне листочек бумаги. — Карта тоже есть, пожарные выходы и все дела.

— Свет регулируется? — спрашиваю я, и Бен кивает.

Иду к выключателю проверить. Лампочки тускнеют, пока почти полностью не гаснут. Так и оставляю их на самом слабом уровне;

какое-то мгновение комната кажется сотканной из теней. Потом глаза привыкают, и я вижу все четко. Например, что Бен, слегка нахмурившись, косится в мою сторону.

— Мне нравится, — говорю я.

— Окей, супер! Берешь?

— Ага.

— Тогда давай займемся договорами. Так вот...

Понятно — он ждет, что я прибавлю освещение обратно.

— Окей, — киваю я, но к выключателю не притрагиваюсь.

В полутьме иду к столу и сажусь, надеясь, что Бен просто сделает то же самое. Так и происходит. По пути он спотыкается на ровном месте (у людей, думаю я, ужасное ночное зрение) и, наконец, устраивается на соседнем стуле, поставив свою сумку на пол.

Бен раскладывает бумаги на столе. Потом поворачивает ко мне голову. При таком освещении черты его лица кажутся очень мягкими, тогда как на улице в них чудилась какая-то угловатость. Я засматриваюсь на его щеки, круглые и слегка розоватые. Похоже, он довольно молод. Вполне привлекателен. Я улыбаюсь ему.

Бен сцепляет руки и говорит:

— Ты не против, если я... — и указывает на лампочку над нашими головами, после чего привстает.

— Знаешь, а ты не против, если мы оставим так? — говорю я. — У меня голова побаливает.

— О... да-да, конечно. Если что, у меня есть ибупрофен... — Бен тянется вниз к сумке. Милая, элегантного вида велосумка.

Я качаю головой:

— Все хорошо. Все в порядке. Наверное, просто проголодалась.

На слове «проголодалась» мой живот урчит. Ерзаю на месте, чтобы замаскировать звук, но он довольно громкий, к тому же хорошо резонирует в пустой комнате. Мне неловко. Бен делает вид, что не услышал, и от этого только хуже.

— Э-э-э, так вот... Не могу разглядеть текст, — признается он, смеется и поднимает глаза. — Но я отметил крестиками, где тебе нужно подписать. — Он склоняется над столом и прищуривается. — Ага. Вот первый.

Бен пододвигает ко мне листок и ручку — большой палец твердо зажимает место для подписи внизу страницы. Я вижу крестик; вижу совершенно отчетливо — черный маркер в конце пунктирной линии, — но не выдаю этого, а беру ручку, нахожу руку Бена на листке

и ориентируюсь по ней, якобы чтобы найти нужную графу. Я касаюсь его большого пальца — самыми кончиками своих. Он очень теплый. Не знаю, с чего вдруг решила пофлиртовать с этим парнем. Наверное, в этой комнате при настолько тусклом свете я чувствую власть над ним. Мужчины, думаю я, в тишине чувствуют себя шатко; они намного уверенней при звуках машин на улице, когда вокруг есть другие люди. А в этой комнате абсолютная тишина. Я подписываюсь своим именем на нужной линии.

— Где еще? — спрашиваю я.

Страница меняется, большой палец снова показывает нужное место.

— Окей, ага. В общем, ты подписала, знаешь, все стандартные штуки.

— Ага, — говорю я.

— Здесь нельзя спать, устраивать вечеринки, показы, собрания, типа, больше пяти людей. Естественно, нельзя разводить огонь. Ничего типа опасных химикатов.

Парень смеется. Похоже, нервничает.

— Все хорошо, я все прочла на сайте.

— Извини. Наверное, я должен был сказать все это до того, как ты подписала, да?

Я молчу. Бен глядит на меня широко раскрытыми глазами.

— Окей. — Он начинает собирать бумаги со стола. — Когда бы ты хотела забрать ключи?

— Сейчас? Привезу свои вещи сегодня.

— Сегодня? Вау, ага, окей. Быстро ты. У меня не будет времени нормально убраться в студии, но если это не проблема...

Из кармана рубашки он выуживает ключ от комнаты и связку с четырьмя другими — от главной двери и решетки.

— Ничего страшного. Завтра у меня начинается стажировка, так что хочу успеть заехать заранее.

— О, классно. А где? Может, я знаю?

— АКТОС.

— Ничего себе! — восклицает Бен. — Кактус? Классно. Другая девушка отсюда стажировалась там какое-то время назад. Думаю, вы с ней познакомитесь. Ее зовут Шакти. — Он пытается передать мне ключи. В полутьме неверно оценивает расстояние и вместе со связкой вкладывает свою руку в мою. — Упс.

Мне видно, как его щеки краснеют. Я улыбаюсь:

— Спасибо.

— Так где, говоришь, ты живешь в Кеннингтоне? Где-нибудь возле Школы Сити и гильдий? — спрашивает он, закидывая сумку за спину.

— Ага, — отвечаю я.

В общих чертах я помню, где она находится. И представляю, что могла бы жить где-то там. Кажется, в том районе полно многоэтажек.

— Снимаю комнату в квартире, — добавляю я.

— О, с художниками?

Теперь я придумываю свою жизнь на ходу.

— Нет, одна пара — они музыканты — и парень, он сейчас работает продавцом, но... хочет попасть в киноиндустрию.

— О, удачи ему. У меня есть подруга в кино — художница-постановщица. Могу их познакомить, если он захочет.

— Может быть, угу.

Бен начинает осторожно продвигаться к двери. Мне нравится понимать, что ему сложно даже просто пересечь комнату при таком свете, а я могла бы легко продеть нитку в иголку. Я могла бы усадить его и написать подробный портрет. Я иду за ним, изучая каждый тонкий волосок на его затылке, покрытую мурашками кожу и ее слегка розоватый оттенок. Не дойдя до двери, он оборачивается.

— Э-э-э, так вот. — Он прочищает горло. — Так вот, я наверху. В смысле, моя студия. Двумя этажами выше. Первый этаж с окнами. Над тобой никого, так что мы практически соседи.

— О, ясно, — говорю я. — Ты художник.

— Ну да, но я делаю разное для «Коры», типа показы студий, все дела, и слежу за зданием — в общем, за студию не плачу. Так что, если захочешь заглянуть повидаться, я в «цетырнадцать». А если меня нет в студии, то, скорее всего, я на Точке.

— На Точке?

— Ага. Точка — это общая гостиная, а студии — это Пространство. Так мы их называем. — Бен улыбается. Видно, что он считает эти названия забавными, но при этом немного смущается. — Знаю, это клише, — добавляет он. — В смысле, типа, студии — это... твоё личное пространство, понимаешь? А Точка — это, типа... — Он показывает пальцами кавычки и говорит голосом комментатора из рекламного ролика: — «Здесь стоит побывать — и точка».

Он смеется, а потом фыркает. Очень обаятельно.

Его рука уже на дверной ручке. Бумаги, которые я только что подписала, надёжно зажаты под мышкой.

— Ну, мне пора... — начинает он.

Пожалуй, мне хочется выйти вместе с ним. В нём есть что-то, действующее на меня успокаивающе, хотя мы с ним едва познакомились.

